

Название н. п. *Крыніца* образовано от гидрографического термина *крыніца* 'поток воды, который бьет из-под земли, подземная вода, которая выходит на поверхность' [Яшкін, 2005, 371]. Этот ойконим в 1930 г. был заменен на *Новы*, символизирующий революционные преобразования новой эпохи (хотя традиционно компонент *новы* в составе топонимической единицы указывал на время возникновения населенного пункта). Ойконим-ориентир *Забалацце* мотивирован номенклатурным термином *балота* 'низинное пространство, заполненное водой' [Толстой, 1969, 144], *забалацце* 'то, что находится за болотом' [Яшкін, 2005, 267]. В 1964 г. населенный пункт переименовали в *Заслонаўка* – в честь Героя Советского Союза, одного из руководителей партизанского движения в Белоруссии К. С. Заслонова. Название населенного пункта *Качай-Балота*, образованное от географического термина *качай-балота* 'трясина, топкое болото с растительностью на поверхности' [Там же, 352], в 1962 г. было заменено на идеологически окрашенный оним *Рассвет* (бел. *золак*). В современной ойконимии Белоруссии топооснова *качай-балота* не встречается.

Таким образом, часть ойконимов, утраченных в XX в. в результате переименований, указывала на местонахождение объекта в пространстве и физико-географические особенности местности. Думается, что большая часть этих единиц может быть возвращена в ойконимическое пространство Белоруссии.

Поспелов Е. М. Переименование городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М., 1990. С. 54–73.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

Е. С. Коган
Екатеринбург

К вопросу о региональной специфике фразеологии

Фразеология считается одной из наиболее национально-самобытных областей языка. Специфика фразеологических единиц часто обусловлена экстралингвистическими факторами, влияющими на их образность. Исходя из этого, особый интерес представляет контрастивное изучение фразеологии разных народов.

Поскольку образность зависит от внешних условий, в том числе от географической «привязки», интерес представляет также и исследование фразеологической системы русского языка в зависимости от региона. Можно предложить рабочую гипотезу, согласно которой образность фразеологии имеет региональные особенности.

В данном докладе предлагается пробный вариант решения проблемы. Материалом послужили фразеологизмы, характеризующие злого/рассерженного человека в русских говорах на территории Восточной Сибири и Республики Коми (использованы данные фразеологических словарей данных территорий) и в языках, контактных для каждой зоны, – соответственно якутском и коми.

Выделяются следующие модели характеристики злого человека и злости как негативного состояния.

1. Зоономическая модель. В данном случае человек сравнивается с животным, злость воспринимается как нечеловеческая, животная черта, отождествляется с агрессивностью. При этом русские преимущественно используют образы домашних животных (*худая собака* 'человек, склонный к ссорам; задира, хам' [ФСРГРК, 284], *не гладь kota против шерсти* 'о злом, вспыльчивом человеке' [ФСРГС, 41]), в то время как в якутской фразеологии более частотны образы диких зверей (*бөрө [эһэ] тириитин кэт* <в волчью (медвежью) шкуру одеваться> 'быть в гневе, испытывать злость' [ЯРФС, 1, 139]). Специфичным для якутов является использование понятия «зверь вообще» (*кыыла киирбит* <зверь его вошел> 'о том, кто не в духе, проявляет злой нрав' [Нелунов, 1, 278]). Следует отметить также повсеместное распространение рус. фразеологизма *жить как кошка с собакой*, в том числе его заимствование в якутский и коми языки.

2. Соматическая модель. К данной модели относятся фразеологизмы, которые имеют в своем составе лексику, называющую части человеческого тела. Наиболее частотным для всех народов является использование образа сердца, воспринимаемого как своеобразноеместилище сильных чувств, не только положительных, но и отрицательных: *сердце разошлось* 'кто-л. рассердился, разолился; кого-л. переполнили возмущение, гнев' [ФСРГРК, 232], *сердце взяло* 'рассердился' [ФСРГС, 176], *вымещать сердце* 'срывать злобу, досаду на ком-л.' [Там же, 37], якут. *таас муус сүрэх* <каменное, ледяное сердце> 'бессердечный, жестокий' [Григорьев, 1976, 75].

В якутской фразеологии используются также образы диафрагмы и крови: *хаана быһытталанна* <кровь его порвалась на части> 'кипеть глухой ненавистью, еле сдерживаемым негодованием' [ЯРФС, 2, 307], *өрөөһө эрэ хайдыбат* <диафрагма его чуть не лопнула> 'сердиться, считать себя обиженным, оскорбленным; обижаться' [Там же, 2, 75]. При этом важным становится и «количественный» фактор: когда человек злится, эмоции «переполняют» и «расширяют» его тело. Количественная семантика проявляется и во фразеологии русских на территории Республики Коми: *сердце больше себя* 'кто-л. имеет крутой, решительный, суровый характер' [ФСРГРК, 230].

3. Температурная модель. Злость соотносится с холодом, низкими температурами, льдом: *таас муус сүрэх* <каменное ледяное сердце> 'бессердечный, жестокий' [Григорьев, 1976, 75], *ледок на сердце* 'кто-л. бездушен, отличается черствостью, невнимательностью к людям' [ФСРГРК, 116].

4. «Вещественная» модель. Данная модель реализуется во фразеологии русских сибиряков и в якутской фразеологии. Представление о злости воплощается в образе какого-либо твердого вещества – камня, льда, железа: якут. *таас муус сүрэх* <каменное ледяное сердце> 'бессердечный, жестокий' [Григорьев, 1976, 75], *сүрэһэ халыт* <сердце его каменное> 'неотзывчивый, бездушный, черствый' [ЯРФС, 2, 155], *тимир тириитин кэппит* <он надел свою железную шкуру> 'о том, кто раздражен, пришел в ярость' [Там же, 2, 191], рус. *из камня камень* 'о жестком, суровом человеке' [ФСРГС, 90].

Следует отметить, что тема злости (и человеческих качеств в целом) на территории Коми разработана подробнее, чем в сибирском регионе. Однако в целом материал свидетельствует скорее о различиях между языками и пока не дает оснований для разграничения разнотерриториальных русских фразеосистем.

А. А. Кожина
Минск (Белоруссия)

Образ мира в польскоязычных завещаниях, составленных на территории Белоруссии

Актовые книги XVIII века Брестского, Минского, Полоцкого и Гродненского земских судов, хранящиеся в Национальном историческом архиве Белоруссии, содержат большое количество текстов польскоязычных завещаний. Этот до сих пор не исследованный корпус материалов (обработка текстов сделана О. Корсак) дает представление об образе мира, который возникает в сознании человека, готовящегося к концу своего земного существования. Шаблон составления завещания предусматривал определенные юридические формулы, однако в его границах завещатель имел достаточно места для выражения своего представления о мире. В завещаниях можно выделить сакральную (содержащую рассуждения о Боге и смысле жизни) и профанную (содержащую описание завещаемого имущества) составляющие. Во всех текстах обнаруживаются сходные позиции, которые складываются в некоторую единую аксиологическую схему.

Жизнь в сознании человека, настраивающегося на вечность, приобретала нечеткие, изменчивые и смазанные очертания: *natým mizernym Swiecie niemasz nic wiecznego Ani trwałego, ale każda rzecz Przypadkom y skazitelnosci podlega* «в этом ничтожном мире нет ничего вечного и постоянного, но каждая вещь случайности и испорченности подлежит» (Brest. 1741).

Бог призывает человека (*Bog wszechmogący... do Chwały swej Świętey powołac mnie ztego Swiata raczy* «всемогущий Бог... к славе своей святой позвать соблаговоляет» (Grodn. 1755)), и мир вместе с человеком приходит в движение, причем это движение заметно на самых различных уровнях:

– меняются краски: *Swiat y Zycie w nim Ludzkie ze tylko kolor iest y nikczemna... farba, w krotkim czasie wszystkim podlega odmianom a nic stalego niema* «мир и человеческая жизнь в нем – только цвет и никчемная краска, за краткое время все подвержено изменениям, а ничего постоянного нет» (Brest. 1741);

– двигаются тени и реальные предметы: *A żywot iednak Ludzki lako cien przemija, y lako kwiat więdnije* «а человеческая жизнь как тень проходит и как цветок вянет» (Polock. 1778); *człowiek iest piłka wręku Panskich wгурę rzucić ynadół lako Panu wolno iest* «человек – это мяч в руках Господа, вверх бросают и вниз, как Господь пожелает» (Polock. 1778);

– уходят вещи и люди: *a przy śmierci wszystkie rzeczy lwszyscy przyiaciele opuszczą* «а при смерти все вещи и все друзья покинут» (Polock. 1778).

Изменчива не только земная, но и небесная жизнь, единственной неизменной точкой здесь является слово: *Pamiętając tez na Słowa przedwieczney Mondrosci ze niebo y Ziemia przemina nie słowa Pana zastempow nie przemina lecz trwac nawieki*